

Зоны этноконтактного природопользования: МЕХАНИЗМ ЭВОЛЮЦИИ

О.Г. Завьялова

Природопользование – сложный системный, мультифакторный, временной и многоаспектный процесс, взаимообусловленный природными, социальными, этническими и другими институтами развития. Условия и факторы процесса природопользования (ПП) всегда территориальны. Объектом изучения регионального ПП являются региональные территориальные системы природопользования (ТСПП). Каждому из видов ПП в зависимости от конкретных природных условий местности соответствуют, по определению К. В. Зворыкина [4], свои «местопользования», формирующие определенный «набор» форм ПП, соответствующий природно-ресурсным системам данной местности.

Территориальные (региональные) системы природопользования - это целостные, территориально локализованные в поселениях с прилегающими к ним угодьями общности людей, формирующиеся в результате «природопотребляющей» деятельности.

Географический подход к исследованию ТСПП заключается в выявлении и анализе пространственно-временных закономерностей возникновения и реализации процессов ПП в разных типах природной среды с целью определения наилучших вариантов использования ее природно-ресурсного потенциала. Различные природные, этнические, социальные факторы и условия определяют многообразие форм и типов ПП. Образно можно сказать, что «каково природопользование, таково и общество (или этнос)», и наоборот. Анализ сложившихся пространственных типов ПП является важнейшим инструментом познания и прогнозирования регионального развития, так как пространственные территориальные структуры природопользования представляют собой «пусковые механизмы» многих других региональных процессов. Краткая формула, характеризующая системы ПП, может быть представлена в следующем виде:

Набор устойчивых типов природопользования + природопользователи (люди, различные территориальные общности: общины, этносы и т.п.) + угодья с природными ресурсами (различные типы природно – ресурсных систем) = <i>системы природопользования</i>
--

Территориальные системы природопользования образуют, на наш взгляд, главное ядро систем более высокого уровня – геосистем, т.е. ПП в этом взаимодействии будет являться главным системообразующим процессом. «Природопотребляющая» деятельность включает в себя ресурсопотребление и получение «природных услуг» того или иного ландшафта («ландшафтопользование»). В зависимости от целей территориального исследования выделяются этносоциальные, ландшафтно-культурные, хозяйственно-культурные типы и другие территориальные образования, так или иначе связанные с ПП. В современной научной литературе выделены и обоснованы десятки подобных природно-социальных территориальных образований (систем). Характеристика и анализ подобных таксонов уже подробно представлены в географической литературе

[см., напр., 9]. В этом контексте лишь заметим, что отличия данных образований (систем) заключаются, главным образом, в разной степени (или пропорциональности) участия в региональных процессах природопользования одного из трех его «соучастников» - природы, человека (или социума, этноса), хозяйства (или их возможных комбинаций).

В структуре ТСПП можно выделить следующие элементы: «материнский» ландшафт, демографо-экистический блок (население и расселение), местное хозяйство, технологии и инфраструктуру ПП, его институциональную среду. Наиболее полный и целостный анализ природопользования реализуется в региональной (территориальной) системе ПП, которая, в свою очередь, на наш взгляд, в полиэтнических регионах будет являться подсистемой системы более высокого ранга – *этногеосистемы*. В этнических регионах геосистемы в «полном» объеме можно характеризовать только с учетом их этнической составляющей и особенностей этнического развития «природопотребителей» - различных этносов.

В этноконтактных зонах, к каким исторически относится лесостепное Зауралье, будут формироваться особые образования, которые можно характеризовать как «этногеосистемы». Этногеосистема, как нам представляется, будет наиболее полно отражать характер взаимодействия этноса с его природной (жизненной) средой, культуру человека [2] в этноконтактных территориях. Это наиболее адекватный и интегральный объект, отражающий практически весь комплекс взаимодействий этноса и его среды (или «материнского» ландшафта). Заметим, что термины «жизненная среда» и «материнский» ландшафт этноса, на наш взгляд, наиболее цельно передают качественные характеристики этнического ПП, а не только его природной составляющей, как это чаще всего бывает в современной литературе. «Вмещающей» основой этногеосистемы (ЭГС) будет «материнский» ландшафт, функциональной – процесс реализации природопользования в ходе этногенеза.

Этногеосистемы представляют собой целостные интегральные образования - результат взаимодействия этносистем и геосистем на определенной территории.

Системообразующим ядром этногеосистемы будут определенным образом организованные территориальные системы ПП. Системы природопользования представляет собой весьма сложную, разноуровневую пространственно-временную совокупность различных подсистем (природно-ресурсных, расселенческих, хозяйственных, технических и др.). Современная структура этногеосистем будет представлена природными и неприродными сферами (в частности этнической), имеющими определенный набор компонентов, а также геосферных подсистем (ландшафтных и «природопользовательских»), которые объединяют отдельные части земной поверхности и этносистем устойчивыми связями, формируя разнообразные этногеополя. Структура этногеосистемы в этом случае проявляется в виде общего поля взаимодействия геосистем и этносистем

Таким образом, ЭГС можно рассматривать как образования, в которых существуют как межкомпонентные связи (этносы, социальные группы, территориальные общности и др.), так и внутрикомпонентные (семейные, общинные и др.), а также внешние институты воздействия. Приоритеты влияния этих связей, их взаимодействие по мере эволюции ПП будут меняться, поэтому важно их изучение, упорядочение количественное и качественное, выявление узлов межэтнического взаимодействия, особенно системообразующих (социально-этнических и др.).

Этническая эволюция и эволюция природопользования есть взаимосвязанный процесс повышения пространственной организации этногеосистем во времени.

Этногеосистемы Южного Зауралья издавна являются территорией тесного межэтнического взаимодействия и представляют собой тюрко-славянскую этноконтактную зону (ЭКЗ). Между образующими ее этносистемами и геосистемами существуют

устойчивые внутренние связи и отношения (контакты), имеется внешний источник управляющего воздействия – определенная институциональная среда. Межсистемное взаимодействие ТСПП – этносов дает новые качества, формируя своеобразные зоны этноконтрактного природопользования. «Материнские» ландшафты этносов Южнозауральской ЭКЗ расположены в лесостепной части Зауралья (Южного Зауралья). Лесостепная зона Южного Зауралья протягивается неширокой полосой (150 – 300 км) от Урала до р. Ишим. Южная граница зоны проходит по реке Уй – левому притоку Тобола (южнее Петропавловска по направлению к Омску), в геоморфологическом отношении это области Зауральского плато и озерной Прииртышской равнины (аллювиальной и озерной аккумуляции).

Зоны этноконтрактного природопользования – это специфические и разнообразные «природопотребляющие» пограничные, контактные структуры этносов, выделяемые в пределах значительных территорий («материнских» ландшафтов этносов).

Основными действующими объектами природопользования в этих зонах являются различающиеся между собой приграничные этносы. Разнообразие этносферы здесь поддерживается многообразием природных ландшафтов, взаимодействием культур этносов. Этноконтрактные зоны будут иметь свои специфические свойства, отличия от других территорий. Прежде всего это наличие главной функции - «контрактности» этносов, которая выявляет многие эффекты «системности» и интегративности развивающихся ЭГС. Так, состояние одной из территориальных структур обязательно будет зависеть от состояния другой, острота ситуации наиболее ярко проявится в трансграничной полосе, интенсивность территориального взаимодействия будет связана с проявлением различных этнических потенциалов, направленностью векторов развития, живучестью традиций, состоянием этнических констант, кооперативных (синергетических), комплиментарных и многих других «совместных» эффектов сосуществования этносов. Очевидно, не случайно ЭКЗ формируются в переходных природных условиях, например, в лесостепи Южного Зауралья. Внутриэтническое единство славянского и тюркского этносов, их комплиментарность и длительная этническая интеграция составили основное содержание Южнозауральской этноконтрактной зоны (ЮЗ ЭКЗ). Наиболее мощные «интерфейсные» узлы контактирования приурочены к территориям наибольшей плотности населения. Очаги человеческой деятельности, различающиеся по размерам, мощности, значению, располагаются на территории примерно так же, как поселения в иерархии населенных мест. Национальные и этнические поселения имеют свой комплекс угодий, их размещение и современная динамика развития тесно связаны с формами ПП. Так, более стабильный характер сети и людности поселений в национальных районах Курганской области делает более устойчивым и аграрное ПП в этих районах.

Южнозауральская тюрко-славянская ЭКЗ - это ареал взаимодействующих этнических систем тюркских кочевников-скотоводов и славянских переселенцев-земледельцев, совместного этнического ПП на общей территории освоения. В Курганской области два административных района наиболее «этнические», в них преобладает татаро-башкирское население. Этноконтрактные зоны образуют конкретную зональную систему, представляющую собой определенный этногенетический район. В ее «недрах» всегда можно увидеть ограниченные внутренние контакты и бесконечные внешние, она «многоступенчата». В Южном Зауралье можно выделить, как «интерфейсную» ЭКЗ с Казахстаном (первый пограничный концентр административных районов Курганской области), так и «овальные» зоны размещения, например, татарского и башкирского населения внутри преобладающего русского расселения в ряде административных районов области.. Соседние области (Челябинская, Оренбургская, Омская) также являются

этноконтактными с Казахстаном регионами, что, естественно, учитывается в региональном развитии. Таким образом, данные пограничные территории можно охарактеризовать как довольно мощную по масштабам и длительности совместного развития этноконтактную зону. В Южнозауральской ЭКЗ сложился особый «мирный» тип тюрко-славянской этнической интеграции, несмотря на некоторый период противостояния этносов в XVII–XVIII вв., ни один этнос в этих условиях не был уничтожен.

Районы ЭКЗ отличаются своим набором проблем, предпосылок развития, историей становления, адаптационными механизмами. Резерв адаптивной изменчивости этноса - реальное явление. Хранителем резерва адаптации русского этноса длительное время были, на наш взгляд, традиции института семьи, особенно ярко они проявились в Сибири и в Зауралье. Русские в Сибири, столкнувшись с чрезвычайными природными условиями, не только выжили, но и образовали многочисленные стойкие семейные и общинные группы старожильческого населения с особым сибирским характером (челдоны или «чалдоны», как их называют в Зауралье). Живучесть сибиряков продемонстрировали дальнейшие события (войны и голод, репрессии и раскулачивание). Выстояли и выжили. Некий «сухой остаток» этой живучести, по мнению академика В. Казначеева, сохраняется и поныне [6]. Основой мышления и развития человека, этноса является потребность сохранить жизнь, себя, свою общность, т.е. выжить. Можно охарактеризовать эти качества как *этнические константы*.

Этнические константы - неизменные структурообразующие элементы этноса, его этнический «стержень», или архетипы.

Архетипы обеспечивают основу поведения, структурирования личности, понимание мира, внутреннее единство, взаимосвязь культуры и взаимопонимание. Иными словами, архетипы образуют своего рода всеобщие априорные психические и поведенческие программы.

Архетип обозначает суть, форму и способ связи наследуемых бессознательных первообразов и структур психики, переходящих из поколения в поколение.

К. Г. Юнг связывает образование этносов с архетипами их коллективного бессознательного [11]. *Коллективное бессознательное образует всеобщее основание душевной жизни. Бессознательное – это способ мышления, который включает в себя «содержание и образы».*

Следование культуре (архетипам) своего этноса, как нам представляется, является детерминантой его развития. Особенности «коллективного бессознательного», формы его проявления и составят, на наш взгляд, этнические константы. Сохранение этноконстант составит сущность (феномен) этничности, а этничность можно рассматривать как совокупность особых, пространственно локализованных адаптаций той или иной общности, ощущаемых ею как этнические ценности.

Духовная жизнь этноса несет на себе архетипический отпечаток. Архетип есть символическая формула, которая начинает функционировать там, где еще не существует сознательного понятия. Эти субъективные склонности сильнее, чем влияние объекта. В. Зеленский подчеркивал: «...архетип древнее, нежели культура, так что он не передается традицией, миграцией или речью. Он априорная форма психики и возникает спонтанным образом повсеместно... архетипические образы... являются основными компонентами любых религий, мифологий, легенд и сказок всех времен и народов» [5]. Любой из архетипов имеет множество символических презентаций, определяемых культурными факторами, но сама форма архетипа универсальна. Например, в мире существуют тысячи мифов о герое, его похождениях, но суть поведения остается одной. То же можно сказать и о культурах: русские в своей основной массе открыты, экстравертны, японцы, как и все восточные нации, интравертны; евреи или швейцарцы – мыслительный тип, а грузины – чувствующий (по классификации Юнга) и т.п. Чем полнее симво-

лы (архетипы) отражают психическое наследие и нынешнее состояние этноса, тем эффективнее они используются в качестве консолидирующей силы.

Архетипы – это своеобразные образы выживания, адаптации. Архетипы есть основания мышления (часть сознания, из которой мышление рождается), т. е. испокон веку это наличные всеобщие образы. Юнг включает в понятие коллективного бессознательного всеобщие «содержания и образы поведения», некое людское «хранилище» их [11]. Он рассматривает четыре архетипа: 1) *Тень*; 2) *Анима*; 3) *Старый Мудрец*; 4) *Трансформация*. Так, Тень – это подавленные составляющие личности, в первую очередь желания. Старый Мудрец – архетип смысла. Трансформация – типичные ситуации, места, средства, пути действия. Анима – это душа, которая «является жизненным началом в человеке, тем, что живет из самого себя и вызывает жизнь. Своей хитроумной игрою душа приводит к жизни пассивное и совсем к ней не стремящееся вещество» [11]. Анима – природный архетип, фактор в подлинном смысле этого слова. С Анимой ничего нельзя поделать, она всегда есть, а ригид настроений, реакций, импульсов, всего того, что психически спонтанно. В нашем контексте, с точки зрения традиций ПП важны архетипы Мудреца и Трансформации.

Таким образом, выделение и изучение этнических и «природопользовательских» свойств этногеосистем как особого рода системообразующих связей, как нам представляется, является одной из форм познания объекта, а совокупность их действия образует качественно новую модель процесса этнического ПП. Очевидно, в данном случае можно говорить об *этногеосистемном анализе* природопользования. Признаки его можно рассматривать с точки зрения генезиса системы, структуры и процессов образования (сфер проявления, например, социально-этнической, хозяйственной и др.). Для исследования процесса природопользования необходимо решение задач, связанных с анализом структурных свойств элементов, связей, состояний устойчивости различных подсистем ЭГС (в т. ч. этнических). Процесс ПП будет представлять собой определенный набор жизнеспособных правил поведения (принципов) сложной ЭГС в условиях этноконтактных зон. Среда обитания («материнский» ландшафт) и этнокультурные традиции этносов пребывают в процессе взаимоприспособления и сотворчества, порождая региональные этносоциоприродные комплексы (ЭГС), каждая из которых будет иметь свои особенности. Этнический менталитет и образ жизни представляют собой своеобразный *этнический комплекс территории или этногеосистемы*, существующий, вращающийся в орбите определенной социальной, институциональной «оболочки». Социальная (институциональная) оболочка, преломленная через этнические константы («коллективное бессознательное»), составит ту или иную этническую среду.

Этническая среда – это совокупность взаимосвязей одного или нескольких этносов, составляющих определенный тип социально-исторической этногеосистемы. Данная среда одновременно будет являться как этнической, так и общественно-исторической (социальной). Этносоциальная среда – это постоянное поле многосторонних взаимодействий людей, которое может рассматриваться в аспекте условий, предпосылок, средств человеческого общения, структуры и совершающихся в нем процессов. Этносоциальная среда будет характеризоваться рядом параметров: демографическая плотность, территориальная непрерывность или дискретность этноса (характер расселения), его этнокультурная однородность или мозаичность, характер внутренней коммуникабельности, объем социокультурной информации в данной этнической общности и т.д. Анализ различных сфер деятельности этноса надо вести с учетом того, что вся система национальных отношений общества основана на сложной опосредованной детерминации, она в свою очередь является подсистемой в макросистеме всего государственного образования, этносоциальной средой (или социально-этнической в зависимости от аспектов исследования). Потенциал сил самосохранения этноса исходит, на

наш взгляд, из накопленного им этноисторического потенциала, именно он становится «приводным» механизмом нового эволюционного цикла. В нашем случае (для ЭКЗ) он будет зависеть от продолжительности и «мощности» этноконтактов.

Стержневая линия развития этногеосистем - стратегия этногеоадаптации, которая в наибольшей степени способствует воспроизводству этнопотенциала, преемственности традиций природопользования и утверждению устойчивых этнохозяйственных связей. В точках бифуркации (или выбора, например, стратегий ПП) в этносистемах господствует, на наш взгляд, не Его Величество Случай, а «этноконстанты» - или архетипы поведения этносов, вокруг которых сталкиваются варианты развития (инновации), и на основе этноконстант выбирается единственно приемлемый для настоящего момента дальнейший путь развития.

В первом приближении можно предложить некую условную формулу количественной оценки свойств ЭГС, что было сделано нами на основе социологического опроса жителей национальных поселений Курганской области. Сразу следует заметить, что «технически» подобные категории замерить практически невозможно, но предпринять попытку свести воедино этнические показатели развития той или иной этногеосистемы можно и нужно. Можно предложить следующий «рабочий» алгоритм подобной оценки, используя ряд показателей: этничность и этническое сознание.

Этничность. Как нам представляется, первый блок показателей должен отражать степень этничности. Для этноконтактных территорий это могут быть показатели уровня владения национальным языком. Так, можно предложить коэффициент межъязыкового общения или процент владения людьми языками иных, проживающих на данной территории национальностей (Кя). Этнокультурное развитие наглядно будут представлять показатели, отражающие уровень этнической памяти народа, или «степень традиционности», преемственности поколений (Ктр - коэффициенты этнической преемственности поколений), знание элементов этнокультурной среды (например, процент людей, хорошо знакомых с традициями ПП или с национальным фольклором, одеждой и т. п.), а также коэффициент, отражающий потенциал природно – культурного наследия территории - Кпкн (например, доля земель особо охраняемых территорий, памятников природы и культуры в данном районе). Наверное, на данном этапе, «забвения» этнических традиций, можно использовать и такой показатель этничности, как доля лиц, ориентированных в своих ценностных установках на «нацию», назовем его коэффициентом этничности (Кэ).

Этническое сознание населения. В ЭКЗ наиболее важными в оценке этносознания могут быть следующие параметры: толерантность населения (или этнотерпимость, либо этноцентризм): например, степень положительного восприятия других этносов (доля лиц терпимо относящихся к другим - коэффициент толерантности - Кт), психологическая адаптация этноса (Кп – коэффициент психологической адаптации, например, по доле оптимистов среди той или иной группы населения); деятельностная адаптация этноса (Кд – доминанта личностной самореализации, доля людей, ориентированных на личный успех): «природопользовательская» адаптация (в какой-то степени отражающая уровень развития экологической культуры этноса, безусловно, весьма относительна, ее можно представить долей людей, владеющих традициями ПП и народными промыслами в контексте нашего исследования – коэффициент этнического природопользования, Кэпп).

Таким образом, «этнические» свойства территории (этногеосистемы - ЭГС) можно рассматривать как сумму вышеназванных показателей:

$$\text{ЭГС} = \text{Кпкн} + \text{Кя} + \text{Ктр} + \text{Кэ} + \text{Кт} + \text{Кп} + \text{Кд} + \text{Кэпп}.$$

Для объективизации оценок откажемся от коэффициента природно-культурного наследия, так как этот параметр в большей мере является следствием организационно-

управленческих решений местных властей, нежели отражает реальные этноисторические особенности развития той или иной территории. Как показали расчеты (таблица), в наибольшей степени этническими свойствами отличаются полиэтнические этноконтактные территории – Сафакулевский (235 баллов) и Альменевский (224 баллов) районы.

Этнические особенности развития региональной этногеосистемы (рассчитаны на основе данных социологических опросов 1994 – 2001 гг.)

Территория	Коэффициент						итоговый
	этни- чности, Кэ	языково- го обще- ния, Кя	преемст- венности, традиций, Ктр	толе- рантно- сти, Кт	психол. адапта- ции, Кп	«деятель- ност- ный», Кд	
Курган	6	3	31	79	21	20	26 (186)
г. Шадринск	8	1	27	84	32	25	23 (200)
Сафакулево (рай- центр нац. р-на)	17	28	45	85	17	24	19 (235)
Альменево (рц нац. р-на)	8	36	36	87	19	18	20 (224)
Звериноголовское (казачья станица)	1	1	20	82	17	15	14 (150)
с. Юлдус (татар- ское)	17	0	47	92	20	25	14 (205)
с. Азналино (баш- кирское)	6	0	56	91	21	18	13 (205)
с. Шмаково (рус- ское)	0	3	22	86	25	32	11 (179)

Среди городских поселений выделяется г. Шадринск (200 баллов), так как имеет более развитую этнокультурную инфраструктуру города, особенности исторического развития. Движение за культурное возрождение города - русского этнокультурного центра есть коммуникативное преимущество небольшого городского центра. Выделяются также и национальные села Юлдус (татарское) и Азналино (башкирское), набравшие одинаковое количество баллов – 205, типично «русское» село – Шмаково, которое имеет самый низкий количественный параметр (179 баллов). Таким образом, несмотря на всю условность количественных оценок таких «тонких» характеристик, как этничность, этнические ценности и пр., полученные данные исторически объективны. Очевидно, предложенные этнические параметры измерения этногеосистем могут с определенной степенью условности использоваться при разработке региональных программ развития этнических районов.

Синергетические свойства ЭГС будут формироваться в результате взаимодействия геосистем и этносистем в этноконтактных зонах, к каким относится территория Южного Зауралья (интегральная ЭГС). В результате этого развитие систем ПП будет означать эволюционно-заданный, необратимый процесс совершенствования и взаимоприкинновения технологий и форм ПП путем их качественного изменения и усложнения структуры. В результате совместного хозяйствования радикально меняются формы ПП, идет глубокий процесс их трансформации и взаимного переплетения. Трансформация обуславливает приобретение новых, замену устаревших функций, смену типов хозяйствования. Открытость системы проявляется в том, что она развивается в рамках системы более высокого иерархического уровня и выступает ее подсистемой. В нашем случае внешними регуляторами будут различные социальные институты (церкви, семьи, государства), естественно, система ПП всегда четко реагирует на изменения внешней среды. Так, башкиры в Зауралье «растеряли» традиционное коневодство всего

лишь за неполные сто лет. Процесс этнического развития в регионе со временем выходит за рамки природно-хозяйственного комплекса, главной составляющей его на последующих этапах формирования этногеосистем становятся социокультурные траектории.

Таким образом, любая территория будет иметь свой *этноисторический ресурс* и, соответственно, этнический потенциал. Если рассматривать его во времени, то это, очевидно, будет *этноисторический потенциал территории*. Определяющими в развитии любого этноса будет, на наш взгляд, сохранение и воспроизводство его *этничности*, наиболее ярко выраженной в *этнических константах*. Утрата этносом своего мироощущения, совместимого с «материнским» ландшафтом, потеря адаптационных возможностей ставит под угрозу само существование этноса. Структурную территориальную основу («первоначальную», элементарную «скелетную» этническую единицу) этнического потенциала, на наш взгляд, составляет *этническая семья* в рамках этногеосистемы (этносоциоприродного комплекса). Семья, естественно, видоизменяется и трансформируется во времени, но важна ее «цементирующая» роль как основного структурирующего и системообразующего фактора этногеосистемы, основы жизнедеятельности этноса. В структуру этноисторического потенциала территории, по нашему мнению, должны входить определенные количественные параметры следующих основных характеристик: 1) этнического самосознания (этнические знания и представления, этнические интересы, вкупе составляющие этнический менталитет); 2) образа жизни и стереотипов поведения этноса.

Весьма продуктивным в анализе *механизмов развития* этногеосистем, как нам представляется, является *инновационно-синергетический подход* В. Л. Бабурина, изложенный им в работе «Эволюция российских пространств: от Большого взрыва до наших дней» [9]. Этот подход вполне убедительно раскрывает «пружинный» механизм территориального развития. Он базируется на идее переноса инновационного механизма развития Вселенной на геосистемы. Ряд положений такой аналогии, по нашему мнению, является спорным, но ряд выводов эволюционно – системного и инновационного анализа вполне приемлем в нашем контексте. В частности, положение о главенствующей роли инноваций в развитии территориальных систем.

Новация понимается как любое новое явление, возникающее в пространстве-времени, а инновация – как реализованная новация в виде достаточно устойчивой структуры пространства (в нашем случае это будут ТСПП). Инновации выступают в роли катализаторов процессов развития, происходящих в территориальных системах, повышая их организованность, обеспечивая саморазвитие, самоорганизацию и ускорение.

Иными словами, именно инновации ускоряют эволюцию систем, эволюционируя при этом сами, порождая все новые инновации. При этом природно-хозяйственные системы реагируют либо путем диверсификации функций, с чем связаны технологические, промышленные и иные социально-экономические революции, либо за счет пространственной экспансии, диффузии нововведений. Возможно, эти процессы действуют одновременно.

Инновационный механизм осуществляет связь между прошлым, настоящим и будущим ПП через процедуры выбора из возможных вероятных новаций ПП наиболее приемлемых, исходя из этноконстант.

Структура пространства, как его «прошлое время», отражает реализованные новации. В свою очередь, образовавшиеся территориальные структуры детерминируют эволюцию. Новация выступает в качестве флуктуирующих воздействий, вводящих стохастическую составляющую в общую динамику развития процессов. По мнению В. Бабурина, географическое пространство, является частным случаем вселенского про-

странственно-временного континуума, и на него распространяются все основные законы Вселенной: процессы структурирования и концентрации пространства как реакции на низкоплотную среду; наличие аттракторов как особых притягивающих точек (осей, плоскостей) пространства, запускающих большинство структур механизмов развития [1]. На наш взгляд, нельзя во всем согласиться с таким «абсолютным» переносом «вселенских» закономерностей на «земные» системы, но в контексте данного исследования ряд позиций автора представляет интерес. Аттрактором развития и взаимодействия этносов, как нам представляется, является этническая культура. Время также является специфическим ресурсом и фактором территориальной организации общества. Чтобы выиграть время, необходимо «сжать» пространство, создать полюса роста, способные быстро дать результат. Так, это могут быть передовые формы хозяйствования и ПП в отдельных центрах, например, первые мельницы и «аптекарьские» сады в Далматовском монастыре в XVII в., передовая шадринская агрокультура в конце XIX в., «Мальцевская» система земледелия в XX в. и т.п. Далее, очевидно, начинают действовать закономерности и институты развития ПП не «вселенского» масштаба, а социально-государственные: тиражирование технологий (например внедрение картофеля), рост процессов диффузии нововведений и т. д. Инновационные процессы создают неравномерность и мозаичность пространства. Территориальные структуры детерминируют процессы, новации придают им стохастический характер, этноконстанты «удерживают» развитие вокруг определенного этнического «стержня». Закономерности развития ТСПП проявляются как следствие взаимодействия этих составляющих динамики. Результатом этого взаимодействия являются инновации. Таким образом, *развитие предполагает систему взаимосвязанных циклов жизнедеятельности той или иной этногеосистемы.*

Непосредственно основаниями трансформационных процессов выступают законы единства и борьбы противоположностей социальных форм движения, этнических законов развития. Основной «несущей» конструкцией этого развития являются процессы жизнеобеспечения этноса, связанные с освоением территории: «природопотребление и природовосстановление», военно-защитные, социально-экономические и другие «бинарные» линии «маятника» развития («лицом к лицу»). Устойчивость ЭКЗ во многом зависит от «результатов» контактирования. Развитие связано с пульсацией «биномных» территориальных структур, для него характерно сочетание ритмических и направленных изменений.

Эволюционный процесс постоянно стремится найти оптимальный вариант адаптации к внешним условиям. Возникают новые формы ПП, отмирают старые. Упорядоченное строение в подобных системах возникает в результате направленного движения этносов, видимо, действует принцип П. Кюри: симметрия причин образует симметрию следствий. Симметрия закономерностей строения порождает симметрию закономерностей движения и наоборот. Перефразируя этот физический принцип, можно сказать, что эволюция этносистем в ЭКЗ - это отражение симметрии взаимосвязей этно- и геосистем: природопотребления и природовосстановления и других контактирующих институтов-«линий» развития этносов на совместной территории освоения (назовем их «маятниковые биномы развития»). В рамках развития этногеосистем принцип противоположности, «бинарности» действует постоянно. Внешний характер развития этногеосистем связан с различными институтами жизнедеятельности этноса. В нашей трактовке главными структурными элементами, образующими этногеосистемы, будут институты развития - «биномы развития». Развитие базируется на диалектике двуединства (единства и борьбы противоположных векторов развития) трендов развития (например, нападения или обороны, природопотребления или природосохранения и т.п.). «Поля

развития» - различные институты составят следующие основные «биномы развития» (названы не все, а лишь те, которые, по нашему мнению, главные):

- 1) религия – культура;
- 2) административно-политический;
- 3) социально-экономический;
- 4) военно-оборонительный.

Все эти линии «маятника-качелей» действуют одновременно и «прикреплены» к своему основанию – точке «этнического стержня». Бифуркационные «встряски» происходят в зависимости от внешней «раскачки» маятника (размах флуктуаций более чем на 180° «переворачивает» маятник вокруг своей оси), но маятник, тем не менее, удерживается на своем «этническом» стержне - этноконстантах. В нашем случае подобными встрясками будет, например, смена технологий ПП или иные другие стратегии развития. Понятно, что это весьма условная модель развития этногеосистем. Тем не менее, образ «маятника» очень нагляден и динамичен, позволяет одновременно «видеть» многие «поля» взаимодействий в системе. Внутренний, «пружинный», механизм взаимодействий в развитии этногеосистемы похож на действие «маятника», хотя, безусловно, этническое развитие далеко от любых физических сравнений: гравитационных, механических, волновых и т.п., в нем действуют весьма тонкие и сложные законы этно- и социогенеза.

Таким образом, в каждый конкретный период этноразвития будут доминировать те или иные факторы («биномы» развития) в контексте той или иной институциональной среды. Графически на плоскости данная маятниковая интерпретация может быть представлена своеобразной «институциональной розой развития». Она отражает ведущие линии развития этноса в тот или иной исторический период, показывает институты – доминанты.

Анализ ПП с точки зрения изменения институциональной среды в ходе исторических реалий позволяет выявить значительные изменения содержания этногеосистем, институтов этничности, традиционности, культуры и др. Время - главный критерий истины, оно глубже раскрывает архитектуру этноса, логику его исторической судьбы, процессы взаимодействия с другими этносами (аккультурацию, ассимиляцию, миксацию и другие процессы). Время формирует традиции. Время – постоянный, вечный «маятник», вернее, «множество маятников» по основным направлениям «биномам» развития этноса (религия – культура, социум – экономика, военно-административные институты и т. д.). В нашем случае роль управляющих факторов развития этногеосистем в огромной степени играет институт традиций, который равно взаимодействует с общественной и природной формой движения материи. Важно обнаружить адаптивный компонент в деятельности этноса и его поведения в групповой, семейной стратегии этноса и увязать его с общей динамикой развития. Историко-этнологический анализ на разных этапах эволюции позволяет вычленить *институциональную среду природопользования* (социальную и этническую «оболочку» маятника), которая, на наш взгляд, отражает все многообразие факторов и условий ПП, являясь мультифакторным явлением и механизмом эволюции. В России реально действующие социальные, экономические и другие институты пока еще очень далеки от ее естественно-природной и этнической специфичности, тогда как конкретные примеры подобного проявления этничности в экономической сфере уже начинают играть существенную роль в жизни общества, например, в Зауралье. Так, в селе Юлдус предприниматель-татарин А. Хабибулин на личные средства построил мечеть, газопровод. Складывающаяся таким образом социально-экономическая ситуация в этом селе, взаимоотношения с жителями других поселений носят уже совершенно иной характер, нежели в соседних поселениях. Подобные факты в настоящее время не единичны. Поэтому вполне результативным, на наш

взгляд, может быть анализ ПП с точки зрения его *этноинституциональной среды*, который в наибольшей степени отражает механизм функционирования и развития этого процесса.

Этноинституциональная среда природопользования – это совокупность социальных и этнических регуляторов ПП.

Институты природопользования - это создаваемые людьми «рамки» – регуляторы процессов природопользования (семейные, общинные, религиозные, социальные и т.п.) Они составляют институциональную среду ПП. Основным элементом институциональной среды, в которой люди делают свой выбор, является норма. Норма – базовый элемент институтов, регулятор взаимодействия людей. В нашем случае это будет взаимодействие по случаю ПП.

Таким образом, главными принципами выделения ЭКЗ, на наш взгляд, являются: территориальность, или «пограничность», принцип бинарности развития и структурной этноконтактности (в т. ч. в ПП) вдоль общих интерфейсных «линий» освоения территории. Основной «фон» ее формирования – этногенетическое и территориальное ареальное единство, которое сложилось в результате единой структурной этноконтактности. В Южном Зауралье этническая «пограничность», по нашему мнению, была связана «общесквозной» единой контактностью общих институтов развития тюрков и славян (религиозных, территориальных, природопользовательских), несмотря на то что данная интеграция происходила в условиях разности этнических потенциалов и «векторов» развития этносов. Общей была единая институциональная среда, «заданность» социального движения. Так, в условиях Южного Зауралья, движение задавалось «сверху» (колонизация на Восток). Эффекты контактирования выразились в единых институтах интеграции: схожих материнских ландшафтах, религиозных, культурологических, военно-административных, социально-экономических. ЮЗ ЭКЗ отличалась весьма сильным «конвекционным» характером, постоянно «этноплавильным». Характер границ также постоянно менялся: с «пороговых» на «поглощенные», например, русско-башкирские границы, или «вытесненные» для отдельных этносов в период военных действий и стычек, например, калмыков, башкир с русскими или татарами, казахов с калмыками и т.д. В результате этих процессов в Южном Зауралье сформировались следующие типы этносов: интегрированный – тюрко-славянский; этнические единицы – татары, русские, башкиры и др.; субэтнические подразделения – например, казаки, мещеряки и др. В целом мы наблюдаем прогрессивную общую тенденцию развития этносов, несмотря на все ее трагические и иные коллизии (постоянные военные стычки казаков и степняков в XVII в.), этноэкологические кризисы.

Положительный опыт и пример подобного этнического славяно-тюркского симбиоза очень важен в наши дни. Возникающие в результате контактов подобной «схожести» единых институтов развития и кооперативные (синергетические) эффекты значительно влияют на формирующиеся структуры ПП, которые, естественно, образуются вдали от состояний равновесия систем, как следствие контактного кооперативного поведения. Очевидно, сформулированный Родоманом [8] закон спонтанного развития систем: «Чтобы система, функционирующая по определенному принципу, могла спонтанно развиваться, необходимо, чтобы ее отдельные элементы, хотя бы время от времени, работали на противоположных принципах», – требует корректировки при анализе ПП ЭКЗ. Согласно общей теории систем противоположные принципы ведут к деструкции системы. Очевидно, в этносистемах речь идет не о противоположных принципах развития, а о разности этнических векторов (потенциалов) развития, других контактирующих структур в общей эволюционной стратегии, так как принципы развития (выше мы их назвали «принципы структурного контактирования») могут быть схожими. Теоретически, по Родоману [11], чем сильнее пространственная концентрация, тем бы-

стрее исчезают породившие ее различия между центром и периферией ареала, тем скорее выравниваются уровни их развития. Реальность этнического взаимодействия оказывается гораздо сложнее, «цветистее» (по терминологии Н. Данилевского) сформулированных теоретических положений в силу особого тонкого и сложного механизма этно- и нациестроительства, глубинной архитектоники этносов.

Таким образом, конкретные ЭКЗ будут отличать общие и особенные механизмы структурной территориальной организации и самоорганизации, развития и трансформации. При этом не обойтись без формирования интегральных критериев исследования этногеосистем. На смену понятиям «нация» и «государство» приходят новые концепции, системными единицами которых являются понятия: морфогенез культур, жизненные циклы этносов, трансформация суперкультурных систем, становление локальных цивилизаций типа «народы Севера», циркумполярная культура и др. [7]. Важнейшие функции ЭГС – адаптивная, инновационная, когнитивная, креативная – в разной степени будут проявляться в структурах развития. Кросскультурные взаимодействия этносов находятся в прямой зависимости от принципов интегрированности – «перекрытия» их исторических этнических полей, природопользования, тем более на совместной территории освоения. В региональном плане реальность содержания этнической идентичности, на наш взгляд, может существенно варьировать в зависимости от конкретных условий нациестроительства, связанных с географическим (пространственным, территориальным) фактором. Так, в татарской этнической истории смена конфессионима «мусульмане» на этноним «татары» произошла в результате особой феноменальной роли ислама, имперской идеологии, «дрейфа» территориального фактора в формировании татарского этноса.

В районе этноконтактных зон формируются специфические культурные образования, которые образуют этноконтактные культуры. Идентификационной основой их развития, на наш взгляд, являются понятия «этничность», «этноконстанты», «этногеосистемы».

Выводы

1. Природные и исторические особенности развития Южного Зауралья позволяют предположить, что в данной местности сложилось специфическое территориальное образование – этноконтактная зона, являющаяся основой формирования этноконтактной культуры. Функциональное единство – главный признак выделения подобных зон. Внутриэтническое структурное единство славянского и тюркского этносов, их комплиментарность и длительная этническая интеграция на основе совместного хозяйственного освоения территории и ПП составляют основное содержание ЮЗ ЭКЗ.

2. Ядро развития этноконтактных культур образуют интегральные этногеосистемы (ЭГС), первоячейкой которых являются этнические семьи.

3. Вокруг этноконстант сталкиваются различные варианты развития (инновации) и на их основе делается выбор дальнейшей стратегии природопользования. Стержневая линия развития этногеосистем – стратегия этногеоадаптации, которая в наибольшей степени способствует воспроизводству этнических ценностей, этноисторического потенциала территории, преемственности традиций ПП и утверждению устойчивых этнохозяйственных связей в виде развития природно - хозяйственных комплексов и формирования определенных хозяйственно – культурных типов.

4. Процесс эволюции – процесс взаимодействия этноса и внешней среды, усложнение структуры и связей этногеосистемы (ЭГС). Эволюция в рамках развития ЭГС реализуется в виде принципа бинарного (маятникового) развития в определенной этноинституциональной оболочке.

Этногеосистемный анализ позволяет наиболее полно исследовать особенности регионального развития полиэтнических территорий.

Библиографический список

1. *Бабурин В.Л.* Эволюция российских пространств: от Большого взрыва до наших дней (инновационно-синергетический подход) / В.Л. Бабурин. М.: Едиториал УРСС, 2002.
2. *Берг Л. С.* География и ее положение в ряду других наук / Л.С. Берг // Вопросы страноведения. М.; Л., 1925.
3. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа / Н.Я. Данилевский. М., 1991.
4. *Зворыкин К.В.* Географическая концепция природопользования / К.В. Зворыкин // Вестник МГУ. Сер. 5. География. 1993. № 3.
5. *Зеленский В.Ф.* Вильгельм Вунд и психология языка / В.Ф. Зеленский // Вопросы философии и психологии. М.: 1902. № 62 (II).
6. *Казначеев В.П. и др.* Проблемы «Сфинкса XXI века». Выживание населения России / В.П. Казначеев и др. Новосибирск: Наука, 2000.
7. *V Конгресс этнографов и антропологов России.* Омск. 9 – 12 июня 2003 г.: Тез. докл. М., 2003 .
8. *Родоман Б.Б.* Территориальные ареалы и сети. Очерки теоретической географии / Б.Б. Родоман. Смоленск: Ойкумена, 1999.
9. *Шарыгин М.Д.* Основные проблемы экономической и социальной географии / М.Д. Шарыгин. Пермь, 1997.
10. *Шевченко Ю.Ю.* Теория хозяйственно – культурных типов в экологических дефинициях / Ю.Ю. Шевченко // Gumilevica <http://kulichki.rambler.ru/~gumilev>.
11. *Юнг К.Г.* Психология бессознательного / К.Г. Юнг. М.: Наука, 1996